

УДК 327

**Научно-методический семинар
"Трансграничные отношения в Северо-Восточной
Азии в политическом, экономическом и
социокультурном измерениях"**

**Scientific seminar
"Cross-border relations in the North-East Asia in political, economic
and socio-cultural dimensions"**

22 октября 2010 г. в городах Владивостоке и Находке состоялся организованный Находкинским филиалом ВГУЭС и журналом "Ойкумена. Регионоведческие исследования" научно-методический семинар по теме "Трансграничные отношения в Северо-Восточной Азии в политическом, экономическом и социокультурном измерениях". Целью, поставленной перед семинаром его организаторами, было ознакомление научного и образовательного сообщества Приморского края с современными проблемами трансграничных отношений в СВА, направленное на адаптацию его профессиональной культуры к работе в условиях растущей транснационализации развития РДВ. Исходя из заявленной цели, перед участниками были поставлены три основные задачи:

- ◆ Комплексный, междисциплинарный анализ текущего состояния трансграничных отношений в СВА и места в них РДВ;
- ◆ Выявление насущных и вероятных в среднесрочной перспективе проблем, связанных с участием РДВ в трансграничных отношениях;
- ◆ Определение целевых параметров развития РДВ и Приморского края в условиях интенсификации трансграничного взаимодействия и соответствующих им знаний и навыков профессиональной деятельности в научно-педагогической сфере.

В работе семинара, проходившей в соединенных видеосвязью аудиториях головного ВГУЭС и его филиала в г. Находке, приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты различных приморских

вузов. Участниками семинара во Владивостоке стали д.ф.н., профессор С.Е. Ячин (ДВГТУ), д.и.н., профессор Г.И. Каневская, д.и.н., профессор А.Е. Кожевников, д.и.н., профессор А.М. Кузнецов (ДВГУ), к.и.н., доцент Я.А. Барбенко, к. полит. н., доцент Л.Е. Козлов, к.и.н., доцент Н.В. Котляр, к.и.н., доцент О.И. Шестак (ВГУЭС), к.и.н., доцент Л.Б. Биниконский, к. полит. н., доцент И.Н. Золотухин, к. полит. н., доцент А.А. Киреев, к. полит. н., доцент А.Л. Лукин, к.и.н., доцент Т.Г. Троякова (ДВГУ), к.ф.н., доцент Д.В. Конончук (ТГЭУ), аспирант Т.В. Плишанков (ТГЭУ), студенты И.А. Карклин, Т.Л. Кокарева, Д.Е. Кондратьев, В.А. Матвиенко, А.А. Тимошек (ТГЭУ). Роль ведущего выполнял к. полит. н., доцент ВГУЭС В.А. Бурлаков.

В Находке участие в работе семинара приняли к.и.н., доцент, директор филиала ВГУЭС в г. Находке Т.Г. Римская, д.г.н., доцент Ю.А. Наумов (ВГУЭС), к.ф.н., доцент Е.М. Власова (ДВГТУ), помощник директора филиала ДВГУ в г. Находке В.А. Островская, к.х.н., доцент Л.М. Долгалева (ИТиБ), к.полит.н., доцент Е.Н. Давыборец, к.х.н., доцент Э.Ш. Мухтарова, (ТГЭУ), ст. преподаватель Т.М. Войстрик, ст. преподаватель Н.О. Живогляд, ст. преподаватель И.В. Михалева, ст. преподаватель Я.С. Нарута, ассистент В.С. Милкин, ассистент Е.А. Полищук, ассистент Ю.С. Чистюхина, ассистент А.А. Шингарева (ВГУЭС), а также аспиранты и студенты филиала ВГУЭС в г. Находке. Вела семинар со стороны Находки зам. директора Находкинского филиала ВГУЭС, к. полит.н., доцент М.А. Калугина.

Открыла научно-методический семинар главный редактор журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования", директор филиала ВГУЭС в г. Находке, доцент Т.Г. Римская. В своем приветственном слове к собравшимся она кратко рассказала о развитии и деятельности журнала "Ойкумена" и выразила надежду на то, что проводимый семинар будет первым шагом в ряду целого цикла научных мероприятий, осуществление которых планируется журналом.

Программа научно-методического семинара включала в себя обсуждение четырех докладов, посвященных различным аспектам многомерной проблематики трансграничного взаимодействия. Доклады семинара были подготовлены С.Е. Ячиным, А.М. Кузнецовым, А.Л. Лукиным и О.И. Шестак¹.

Выступивший на семинаре С.Е. Ячин представил доклад по теме: **"Состояние метакультуры: эффект встречи на границах культурных сред"**:

"В своем докладе я хочу представить некоторые результаты нашего коллективного исследования "Метакультурный потенциал сотрудничества России со странами СВА в условиях глобализации". Коллектив исполнителей в основном состоит из преподавателей факультета культурной антропологии ДВГТУ, и само исследование ведется на условиях гранта в рамках программы Министерства образования и науки "Развития научного потенциала высшей школы". Результаты изложены в более чем 20-ти статьях и одной монографии². Я являюсь руководителем

¹ На момент сдачи номера в печать редакция не располагала текстом доклада О.И. Шестак.

² Россия в метакультурном диалоге со странами АТР. Сб. научных статей. – Владивосток, 2009; Ячин С.Е. Состояние метакультуры (монография). Владивосток: "Дальнаука", 2010; Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Личность. Культура. Общество. (Международный журнал социальных и гуманитарных наук). 2010, т. 12. Вып.1 (№ 53-54). С.108-116; Пчелкина С.Ю. Апории религиозного сознания "русского буддизма" // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 8; Ломова Т.Е., Тимошенко Е.Д., Ячин С.Е. Трансформация ценностных ориентаций рос-

этого исследовательского проекта.

Наше внимание привлекли процессы, происходящие на границах культурных сред. В принципе понятие культурной среды и сопутствующих ей границ носит очень широкий характер – оно имеет в виду не только "среды" национальных культур, но и профессиональные, корпоративные, дисциплинарные и субкультурные. Фактор *границы сред* определяет сходство многих процессов независимо от "природы" самой среды. Одно из самых сильных по своей эвристике утверждений синергетики состоит в том, что *всякое* развитие происходит только на границе сред. Отсюда познавательный и проектный принципы: видите интенсивные и качественные изменения – ищите порождающие их границы, хотите качественных изменений – конструируйте границы¹. Такова наша общая методологическая позиция.

От этого общего положения перейдем к предмету исследования, которым является собственно процессы, происходящие на границах национальных культур (национальных культурных сред) в США. То, что придает особую актуальность исследованию в этой предметной области, заключается в известном обстоятельстве: трудно найти мировой регион, в котором культурные различия на границах сред были бы столь значительны. Здесь культурные различия носят межцивилизационный характер.

Соответственно две главные проблемы межкультурных коммуникаций в этом регионе обретают особую остроту. Во-первых, это проблема человека, который оказался в положении выбора между различными (и даже взаимоисключающими) культурными образцами (антропологи называют такие образцы "паттернами поведения"). Во-вторых, проблема взаимовлияния и взаимопонимания культур, доступность для каждой из них глубинных смыслов соседствующих культур.

Сначала о пограничной ситуации человека. Сегодня она получает все большее распространение. Множество молодых людей едут на учебу и на работу в страны, культура которых значительно отличается от родной. Мы накопили значительное количество данных о психологических, культурных и житейских проблемах, которые возникают перед такими людьми. Если схематически обобщить проблему, то она предстанет в виде поиска выхода из ситуации сдавливания человека "тисками" норм (образцов поведения, мышления, переживания), имеющих разное культурное происхождение.

В принципе в этой проблемной ситуации для человека возможно четыре выхода или четыре модели поведения. Они носят "идеальный" характер: на практике поведение человека может сочетать несколько моделей. Первый – когда человек меняет паттерны поведения в зависимости от ситуации. Например: дом – работа. По некоторым сведениям эта модель поведения характерна для гонконгцев (пример билингвистической культуры), которые на работе подчиняются евро-американским нормам и образцам, а дома сохраняют более или менее традиционный китайский уклад. Вторая модель – человек "выдавливается" в некоторую усредненную массовую культуру, в образцах поведения и ценностях которой стерта всякая национальная специфика. Носителями этих образцов являются разного рода ТВ-программы, сериалы, шопинг и другое, смысл чего прост и понятен представителю любой культуры. Третья модель – человек ищет выход в чем-то "третьем", некоем собственном

сийской и китайской студенческой молодежи в условиях глобализации // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С.81-90. И др.

¹ Простым примером конструирования границы является использование ресурса соревнования или конкуренции путем разделения организации или коллектива на соперничающие группы.

хобби, которое позволяет ему "отдыхать" от постоянного стресса выбора альтернатив. Реальный тому пример. Один наш стажер рассказывает о том, как он изучает японский язык в самой Японии (владеет им на достаточно высоком уровне). При этом японский и русский языки имеют различную психолингвистическую основу, предполагают разный способ думанья. В итоге стажер чувствует, что его сознание раскалывается, и он находит выход – начинает изучать ... португальский язык (в качестве хобби). И, наконец, четвертая модель – "метакультурная", когда человек выходит "вверх" и становится в позицию *творческой внеаходимости* относительно родной культуры. Об этом варианте подробнее.

Если посмотреть на любую национальную культуру с точки зрения ее смыслового содержания или просто – "содержимого", то она предстанет в виде совокупного вклада гениев рода: ее писателей, художников, ученых, педагогов, реформаторов и проч. Чем была бы русская культура без творческих вкладов Пушкина, Карамзина, Ломоносова и других ее гениев? Точно так же собирается "содержимое" любой другой культуры, которая осознает свою самобытность и устойчиво воспроизводит себя в истории. Обратим внимание на следующее фактическое, а в данном случае – биографическое обстоятельство: все "гении рода" по тем или иным причинам находились на границе культурных сред (получили образование за рубежом, как Ломоносов; или находились сразу в лоне двух культур, как Пушкин; или оказались на границе культурных эпох, что в целом характерно для "золотого века" русской литературы). Из указанного обобщения не следует, что всякий оказавшийся на границе культур внесет весомый творческий вклад в одну или другую культуру, но он неизбежно будет вынужден занять новаторскую позицию относительно установленных культурных образцов, ценностей или "паттернов поведения". Психологически, вполне достоверно, что как только человек оказывается на границе культурных сред, когда он лишается возможности использовать традицию (обычай, норму) – в качестве способа решения насущных задач, он вынужден проявить "инновационную" самостоятельность, которая в формальном смысле есть творчество.

Не будучи достаточным, выход за пределы норм своей родной культуры является необходимым для того, чтобы внести в нее свой творческий вклад. Иначе говоря, используя для этого идею и термин М. Бахтина, личность как минимум должна занять позицию *творческой внеаходимости* относительно родной культуры, чтобы сделать ей свой творческий дар. Принцип внеаходимости, кстати, объясняет, почему гении национальной культуры, как правило, являются и гениями всего человеческого рода.

Этим условиям вклада в культуру буквально соответствует термин мета-культура. "Мета" – указывает на источник развития культуры, который находится *за пределами* самой культуры в творческом потенциале личности.

Даниил Андреев, благодаря которому термин "метакультура" получил широкое хождение (это тема его известного произведения "Роза мира"), примерно в этом смысле его и использует. Метакультура это та *вертикаль*, которая позволяет человеку творить и создать культурные произведения, тиражируемые далее в *горизонтали* обычной культуры.

В ключе первой из обозначенных проблем мы определяем метакультуру как особое состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором проявляется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности.

Вопрос взаимовлияния (и взаимопонимания) культур мы ставим применительно к условиям глобализирующегося мира. Обратим внимание на амбивалентность тенденций, связанных с процессами куль-

турной глобализации. С одной стороны – происходит интенсификация межкультурных взаимодействий и так, что большая часть людей сдвигается к границам других культур и, казалось бы, что результатом должен стать рост творческого потенциала личностей, но, с другой стороны, происходит прямо обратное: интенсификация межкультурных контактов приводит к стиранию культурных границ, к массовому распространению усредненных культурных образцов, не имеющих прямого отношения ни к одной национальной культуре. И неизбежное следствие – тотальное снижение творческого потенциала личности, проявляющееся в шаблонности, стереотипности, мозаичности мышления, в атрофии творческого воображения, в снижении качественной насыщенности существования личности и др. Видя эту опасность, которая обычно связывается с глобальной массовой культурой, международные организации демонстрируют всемерную заботу о сохранении культурного разнообразия и наследия. В первых рядах идет ЮНЕСКО¹. Эту заботу нельзя не приветствовать, но стоит заметить некоторую односторонность в культурной политике этой международной организации. Среди многочисленных программ нет таких, которые были бы направлены на развитие творчества личности, а без этого декларации о взаимообогащении культур – остаются призывами. На практике забота о сохранении культурного разнообразия выглядит как сохранение традиционных масок или просто как дрящущийся маскарад.

Метакультура выступает и представляет себя в качестве альтернативы этой тенденции стирания культурных границ. В этом отношении и со своей методической стороны метакультуру можно представить как *искусство установления границ* между культурными средами, где граница обозначает себя не в качестве барьера, но как *место встречи* культур. И чем большим является различие встречающихся культур по своим архетипам или базовым ценностям, тем больший метакультурный эффект следует ожидать.

В аспекте взаимовлияния культур *состояние метакультуры* определяется следующим образом. Это способность одной культуры *использовать достижения другой для своего творческого развития*. Хотя это "использование" идет через творчество отдельных личностей, но логика процесса определяется не ими, но факторами смыслового содержания культур: с одной стороны – недостаточностью отдельных культур, а с другой – их взаимной комплементарностью (взаимодополнительностью).

Нет национальных культур, которые бы реализовали все смысловые возможности мира. Это касается и тех воображаемых миров, которые создает искусство, и тех метафизических моделей мира, которые возникают в рамках философии, это справедливо относительно их этических систем и религиозных воззрений. Собственная ограниченность становится особенно заметной, когда одна культура видит себя в зеркале иной культуры. Но именно собственная ограниченность порождает потребность в Другом, формирует важнейшее качество культуры – ее открытость. Как в личностном, как в культурном плане представление о своей завершенности и совершенстве является смертельным. Личность и культура существуют только общении с Иным.

Есть основания полагать, что восточные (даосско-конфуцианско-буддийские) и западные (христианские) культуры находятся в отношениях взаимодополнительности, т.е. реализуют две стороны смысловой

---

¹ Принимая в 2001 г. Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, государства-члены ЮНЕСКО подтвердили свою приверженность культурному разнообразию – источнику развития, "столь же необходимому для человечества, как биологическое разнообразие для живой природы". Действуя в этом направлении ЮНЕСКО создает Глобальный альянс за культурное разнообразие.

целостности мира. Не только специалистам известны трудности перевода смысла заложенного в тексте восточной культуры в западную и обратно. Относительно этих культур говорят даже о разных типах сапиентности, цитируя, в этом случае, Р.Киплинга: "Запад есть Запад, Восток есть Восток – не встретиться им никогда". Поэт, наверное, прав только в том, что встреча еще не произошла. Вплоть до сегодняшнего дня большей частью мы имеем дело со взаимными проникновениями (либо в форме "вторжений", либо "инвестиций"). Встреча не произошла, поскольку до сих пор так и не определена смысловая граница, разделяющая две мировые культуры. Как не покажется странным, но именно прямые переводы текстов (и смыслов) из одной культуры в другую, без определения сущности самой границы, приводят к взаимному непониманию. Каждая из культур вынуждена *"по своему"* понимать другую. Так история западной философии, начиная с Лейбница, полна примеров очень своеобразных толкований восточных учений.

Идея метакультуры не оспаривает эвристики подобных влияний (Лейбниц, например, открыл бинарный способ исчисления под влиянием китайской нумерологии), но считает такого рода творческие инвестиции малыми и недостаточными в силу неопределенности смысловой границы между культурами".

Первым из участников семинара свои вопросы С.Е. Ячину задал А.М. Кузнецов. Прежде всего, он попросил автора доклада разъяснить противоречие между высказанным утверждением о том, что нахождение на границах поднимает взаимодействующие стороны на метакультурный уровень, и указанием на то, что китайцы воспринимают русскую культуру поверхностно и глубинного взаимопонимания в ходе контактов с ними не происходит. Отвечая на вопрос, С.Е. Ячин напомнил, что, по его мнению, ситуация контакта представителей разных культур может иметь четыре возможных исхода, и метакультурный вариант является среди них не самым вероятным. Второй вопрос А.М. Кузнецова касался игнорирования докладчиком при рассмотрении метакультурных и диффузионистских механизмов взаимодействия таких введенных Б. Андерсоном терминов как "креолизация" и "гибридизация". С.Е. Ячин указал, что содержание данных понятий и понятия "метакультурность" совпадает лишь частично. Метакультурность возникает на базе креолизации тогда, когда появляется инновационная составляющая, когда от человека требуется творческое отношение к своему делу. Именно тогда он начинает двигаться "вверх", к метакультурному уровню.

О.И. Шестаков поставил вопрос о том, может ли личность быть вне культуры, если она является ее продуктом. С.Е. Ячин высказал возражение против того, чтобы понятие личности сводилось к культурному. По его мнению, культура сама по себе не способна порождать творческие идеи и творческих личностей, "гениев рода", таких как Пушкин или Достоевский. Культура служит почвой, на которой вырастает человек, но идеи приходят к нему свыше.

Л.Б. Биниконский поинтересовался у автора доклада, следует ли считать способность к "перевариванию" иных культурных традиций национальным достоинством китайцев, и почему представители нашего общества не могут освоить китайскую культуру. С точки зрения С.Е. Ячина, эта способность действительно является достоинством, но мы не можем "переваривать" внешние влияния также. Нам необходимо искать свой путь. Ситуация метакультуры состоит в том, чтобы, посмотрев, что есть у других, взять что-то себе. Однако мы должны взять это не в идентичном виде, но приспособив к своим культурным основаниям.

М.А. Калугина обратилась к докладчику с вопросом о том, может

ли Дальний Восток рассматриваться как территория метакультурных отношений Запада и Востока. По словам С.Е. Ячина, метакультурный потенциал в России убывает по мере удаления от границы, поскольку его величина зависит от того, насколько близким и частым является взаимодействие с представителями других культур. В связи с этим, наш регион действительно обладает мощным метакультурным потенциалом. Однако этим потенциалом нужно суметь воспользоваться. Для этого мы должны думать не о строительстве зданий и сооружений, но о метакультурных проектах.

В.А. Бурлаков задал вопрос о том, насколько сами китайцы настроены на метакультурный потенциал жителей российского Дальнего Востока. Докладчик выразил мнение, что сегодня китайцы настроены на трансграничность, но не метакультурность.

В.С. Милкин адресовал С.Е. Ячину два вопроса: во-первых, одинаково ли японцы, китайцы и русские подвергаются давлению культурного пресса, или же это больше характерно для русских, а, во-вторых, что именно вызывает это культурное давление – сами культурные различия или то, что человек не прилагает необходимых усилий к изучению другой культуры. С.Е. Ячин указал, что тема культурной адаптации еще не достаточно изучена. Тем не менее, на основе данных, полученных в ходе исследования, проводимого под его руководством, можно утверждать, что пребывающие в нашей стране японцы также испытывают культурный шок. Однако известные примеры такого рода нуждаются в обобщении и дополнительном изучении. Касаясь второго вопроса, С.Е. Ячин отметил, что освоение чужой культуры это всегда риск. Если человек хочет изучать другую культуру, ему необходимо обладать хорошим психическим здоровьем. Переходить же в иную культуру следует к крайней осторожностью, в противном случае это может привести к неустойчивости психики.

И.В. Михалева задала вопрос о том, какова вероятность возникновения при межкультурных контактах культурного шока. По словам С.Е. Ячина, культурный шок, как правило, сопровождает любую межкультурную встречу. Когда же человек глубинно входит в другую культуру, он совершенно неизбежен.

Ю.А. Наумов поинтересовался мнением автора доклада о том, почему в нашем обществе, в отличие от других стран, не сложилось экологической культуры. С.Е. Ячин связал это с нашей культурной ментальностью. Если японец привык считаться с другими людьми, то в русской ментальности сокрыта опасность считаться только с самим собой. Однако эта особенность является оборотной стороной креативного характера русской культуры. Поэтому над экологической культурой необходимо работать и для ее развития есть перспективы, но сама по себе она не сложится.

Д.Е. Кондратьев спросил профессора С.Е. Ячина, откуда возникает массовая культура, и почему в докладе это понятие носит такую негативную окраску. Профессор не согласился с тем, что данное понятие используется им в негативном ключе. Отношение к массовой культуре – это дело личного выбора. Но тот, кто становится адептом массовой культуры, жертвует своим творческим потенциалом. Массовая культура включает в себя такие культурные образцы, которые доступны любому пониманию. При этом общедоступность ценностей массовой культуры хорошо способствует взаимопониманию.

Исходя из темы доклада, В.А. Бурлаков предложил его автору дать ответ на вопрос о том, где проходит граница между Востоком и Западом. С.Е. Ячин подчеркнул, что граница в данном случае это не географическое, но качественное понятие, фиксирующее момент перехода человека

из одного культурного состояния в другое. Граница между культурными средами утопична, однако она обнаруживает себя в диалоге.

Т.В. Плишанков, приводя в качестве примера общества, возникшего на стыке культур, Америку, поставил вопрос о том, не грозит ли метакультурность усреднением, торжеством массовой культуры. Как отметил, С.Е. Ячин, по его наблюдениям, духовный кризис Америки связан с тем, что ей пришлось решать проблему мультикультурного котла. Для того, что бы привить гражданам способность к совместной жизни, в США была создана, во-первых, очень жесткая политическая структура, а, во-вторых, массовая культура, понятная всем этносам. Однако за это они вынуждены платить.

Следующий доклад семинара, подготовленный **А.М. Кузнецовым**, был посвящен теме **"Этнический фактор в трансграничных взаимодействиях в Северо-Восточной Азии"**¹:

"Несколько методологических замечаний. Обращение к сколько-нибудь значимой теме сегодня настоятельно требует четкого представления и обоснования исходных посылок, на основе которых будет построено ее исследование. Уклонение от этого требования, несмотря на самые благие (чаще всего позитивистские) намерения в его мотивации, может повлечь за собой слишком далеко идущие последствия. Нельзя забывать, что кардинальные перемены в существующем миропорядке, произошедшие после Второй мировой войны, связанные с новой волной демократического транзита, достижениями научно-технической революцией, революцией прав человека и т.д., определили также радикальные сдвиги в общественном сознании. Фиксация происходящих трансформаций, получивших наиболее общее определение как вступление в новую глобальную эпоху – *постмодерн*, позволяет, с одной стороны, отметить, например, значение *постмодернистского вызова*, серьезно подорвавшего в конце 1960-х гг. прежние устои социально-гуманитарных наук. Но с другой стороны, не менее заметной становится асинхронность проявления новых тенденций и процессов и их осмысления в разных регионах. В результате некоторые актуальные для ведущих научных центров проблемы, та же *легитимизация* знания, еще не стали предметом обсуждения в периферийных зонах мировой науки. Платой за подобную нерасторопность становится даже не столько отставание от переднего фронта развития науки, сколько заведомая обреченность попыток "поверения" противоречивой и вдобавок слишком динамичной реальности явно не очень адекватными ей средствами. Понятно, на какого рода результаты можно рассчитывать в подобном случае. Но с подобными же рисками связано и механическое перенесение новейших разработок, созданных в одних социально-политических контекстах, например, того же мультикультурализма, в совершенно другие условия.

Оценивая общее состояние социально-политической науки в (но не о) Северо-Восточной, или, может быть, Восточной, опять же Большой Восточной Азии, можно констатировать, что она в своих базовых установках во многом остается еще на допостмодернистской стадии развития. Вместе с тем, знакомство с получившими признание на Западе идеями и их внедрение в собственную практику уже привело к озвучиванию и в нашем регионе ряда соответствующих требованиям постмодерна клише (взгляд из России, взгляд с Востока и т.д.). Однако, "постмодернистская чувствительность" все же предполагает нечто другое: *глубокую саморефлексию* по отношению к *процедуре исследования*, характеристике *познающего субъекта*, учету влияющих на него факторов, – а не только

¹ Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Развитие научного потенциала Высшей школы. Проект № 1940

озабоченность по поводу поиска заказчика, сбора первичных данных и придания наиболее привлекательного облика полученным результатам для их дальнейшего "пристраивания". Поэтому, несмотря на достаточное количество разного рода "экспертных оценок" по наиболее актуальным вопросам той же Северо-Восточной Азии, не приходится говорить о достижении прорыва в их реальном осмыслении и предлагаемых средствах для эффективного разрешения. Одной из причин, ответственных за существующее положение дел в научной сфере региона, можно назвать сохраняющуюся практику представления оценок, выводов и рекомендаций без должного обоснования и верификации оснований, условий и путей их формулирования. Другая причина часто наблюдаемой неспособности различных региональных институций от науки дать реальные ответы на прежние и вновь появившиеся выводы мне представляется в сохраняющейся традиции анализа определенных проблем в рамках узко дисциплинарных подходов: экономического, политического, международного и др., которые в свою очередь, дополнительно редуцируются уровнем компетентности конкретных специалистов.

У теоретиков постмодернизма, сосредоточивших свои усилия на критике оснований социально-гуманитарного знания, реализовавшейся в том числе и в идее дискурса, мы не найдем ответа на вопрос: как вести себя в сложившейся ситуации. Поиск выхода из тупика, на который они раскрыли нам глаза, занялись уже специалисты пост/постмодернистского направления современной науки. Например, недавно известный исследователь Н. Фергюсон показал на примере активно обсуждаемого концепта империя, что его содержание, а тем более обозначаемая им реальность могут быть адекватно осмыслены только в том случае, если мы отнесем их к категории сложных явлений. Разработкой методологии анализа проблем подобного уровня успешно занимается системная теория, в рамках которой еще ранее было предложено различать класс сложных систем. При всех различиях в определении критериев принадлежности к данному классу, вполне очевидно, что сложность предполагает выход за рамки конкретно дисциплинарных подходов. К сожалению, под влиянием постмодернистского вызова и собственных неудач системная теория не пользуется теперь особым признанием в ряде направлений российской и зарубежной социальных наук. В свое время, как известно, Г. Алмонд попытался выправить слишком механистичный вариант теории политической системы Д. Истона с помощью категории политической культура. Но его попытка также не помогла переломить ситуацию. Тем не менее, реальной альтернативы системной теории в исследовании сложных проблем так и не было предложено. Эвристический же потенциал последней был расширен, например, в результате исследований чилийский нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы. Они, в частности, показали необходимость учета механизмов аутопоэзиса (самовоспроизводства), сознания и значимость фигуры наблюдателя уже при работе с биологическими системами. Как представляется, категория сложного и связанный с ней современный междисциплинарный вариант системной методологии могут быть плодотворно использованы при исследовании социально-политических проблем Северо-Восточной Азии, в частности, темы, вынесенной на наш семинар.

Этнический феномен как уже известная и новая область исследований. В своем докладе я хотел бы привлечь внимание к этническому явлению. Делаю это, во-первых, потому, что признание его значимости еще только начинает утверждаться в политической науке, ее отрасли, занимающейся международными отношениями, и других областях социально-гуманитарного знания. Поэтому анализ данного явления действительно выводит нас на передний край науки, а не просто

является воспроизведением уже известных результатов. Дело в том, что, несмотря на длительную историю своего существования, этнический феномен заявил о себе в полной мере только с середины прошлого века сначала различными проявлениями "бунтующей этничности", а затем и вызовом этнонационализма. Сохранение актуальности исследования данного явления в новом веке обусловлено неподготовленностью науки и общественно-политической практики, долгое время занятых классовыми боями и идеологическим противостоянием, к произошедшему "этническому возрождению". Не случайно, до настоящего времени не известно даже сколько-нибудь убедительного объяснения причин "взбунтовавшейся этничности".

Во-вторых, этнический феномен представляет интерес как одно из *сложных явлений*, работа с которым может сыграть свою роль в создании теории и методологии исследования других явлений и составляющих их компонентов. На начальной стадии изучения сложилось твердое убеждение, что этот феномен является объектом таких дисциплин, как этнография, этнология, социально-культурная антропология. Затем стало очевидно, что для его анализа требуется также потенциал социальных и политических наук. Так что теперь специалисты из разных областей знания заняты проблемами этнических конфликтов, этнонационализма, мониторингом трансграничных миграций и изучением мигрантских диаспор, Особое значение для Северо-Восточной Азии приобрела также проблема "разделенных наций", имеющая прямое отношение к рассматриваемому явлению. К сожалению, все эти исследования проводятся в отрыве друг от друга, они чаще всего следуют за уже произошедшими событиями или остаются в режиме мониторинга. При всей значимости процедуры получения или фиксации первичных данных сведение к ней всей процедуры исследования проблем, т.е. ее "заэмпирированность", лишает нас возможности понять наш предмет исследования в его сущностном выражении и реальности связей контекстов, в которых он существует. Поэтому обсуждение разнообразных этнических проблем будет иметь смысл только тогда, когда мы учитываем многообразие их проявления, подходим к ним на междисциплинарном уровне и работаем с ними с учетом присущей им сложности. Обеспечить выполнение всех указанных требований можно в том случае, если у нас есть *сильная*, т.е. по настоящему эффективная теория этнического феномена.

Вынужденный или стихийный характер вхождения многих узких специалистов в этническую проблематику уже сопровождается попытками предложить определенные ее интерпретации. Среди них хотелось бы отметить очень распространенную в настоящее время идею *межкультурной коммуникации*. Идущая в основном от лингвистов, эта идея по-своему пытается "отформатировать" ситуацию межэтнического взаимодействия. Попытка же придать ей более широкое значение, чем достижение близкого взаимопонимания участвующих в акте вербальной/текстовой коммуникации субъектов, вызывает возражение по методологическим основаниям. Прежде всего, потому, что *самобытность культуры*, хотя и является одним из важных признаков этнического, но не сводит к ней все содержание данного явления. Попытка вывести культурную проблематику на некий *метауровень* также не меняет положения дел. Слишком уж неопределенной стала сегодня сама категория культуры. Ставка на нее может быть оправдана в рамках конкретного дисциплинарного дискурса, *редуцирующего* этнический феномен к одной его составляющей, притом, что существуют еще и другие: социальная, производственная, психоментальная и т.д. Понятно, что сам язык при подобных обстоятельствах, несмотря на всю свою бесспорную важность, оказывается еще менее значим, чем пресловутая культура.

К сожалению, приходится констатировать: и сами специалисты по этническому пока не очень преуспели в разработке содержательной теории. Они еще сомневаются, действительно ли значим феномен этнического многообразия, так как ставка на методологический индивидуализм и радикальный конструктивизм повышает ставки альтернативного концепта – *идентичности*. Продолжающиеся дискуссии примордиалистов и конструктивистов, объективистов и процессуалистов, реалистов и символистов и т.д. не позволили сформулировать приемлемую позицию по данной проблеме и предложить четкие критерии собственно этнических общностей.

Очень показательно, что большинство специалистов и экспертов по проблемам Северо-Восточной Азии готовы поставить в повестку дня обсуждение экономических, политических, международных, экологических и т.д. вопросов, но реже – культурных, а тем более этнических. Однако многие программы и проекты, основанные на подобных представлениях о приоритетах, уже столкнулись с неучтенным препятствием в лице того же национализма. Не без влияния разного рода этнических барьеров пришлось заговорить не только о *глобализации*, но и *глокализации*. Реальные обстоятельства и практика их изучения все настойчивее заставляют разных исследователей изменить свое отношения к этническому феномену. Так, в ходе новой волны демократического транзита обнаружилось неожиданное трудности с внедрением универсальных, как многие полагали, западных моделей в другие части света. С близкими проблемами столкнулись и специалисты-международники, которым нужно было найти объяснение казусу Косово и последовавшими за ним событиями на Кавказе. Теперь стало труднее спорить с авторами (У. Коннор), отстаивающими точку зрения о том, что существующие *международные отношения* на самом деле являются всего лишь *межгосударственными*. В результате под критическим прицелом снова оказались представления о единстве *гражданской нации* и пришлось признать, что "... большинство западных Т[еорий] М[еждународных] О[тношений] являются принципиально этноцентричными..., несмотря на то, что подобный этноцентризм в основном остается непризнанным или упрятанным под рассуждениями об универсализме"¹. Ведь даже на уровне буквальной интерпретации концепта *этнос* как *народа* становится очевидным, что только незначительная часть современных государств (менее 20, включая обе Кореи и Японию) характеризуется *однородным в этническом плане* составом населения. В то же время подавляющее их большинство (более 170), в том числе: Россия, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Сингапур, Филиппины – являются *полиэтническими образованиями*. Новый фокус оценки своего внутреннего положения и ряд событий последнего времени, как-то: распад Советского Союза, Союзной Югославии, Чехословакии; квебекский референдум о независимости 1995 г., рост этносепаратистских настроений и др. – заставили правительства многих государств более серьезно отнестись к вопросу управления своим этническим многообразием. Однако при этом со всей определенностью обозначилась другая проблема: что же такое *этническая*?

В существующем массиве литературы можно найти лишь спектр взаимоисключающих друг друга интерпретаций рассматриваемого явления. Здесь присутствуют и универсальные, и маргинальные, и специфические, и другие трактовки. Наиболее же эвристичной представляется теория этноса выдающегося российского исследователя С.М. Широкого-

¹ См. Acharya A., Buzan B. Conclusion // Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia / Ed. by A. Archarya, B. Buzan. L., NY.: Routledge, 2010. p. 223

рова (1887 – 1939). Он предложил различать собственно *этнос* – процесс существования этнических общностей и саму *этническую общность*, являющуюся устойчиво динамическим на основе принципа равновесия объединением людей, обеспечивающим их существование. Общность подобного рода имеет определенный уровень социально-культурной организации, занимается хозяйственной деятельностью, создает материальную культуру и оригинальный *психоментальный комплекс*, участвуя в то же время в обмене достижениями с другими этническими общностями. Включение разных этнических общностей в определенные государственные образования оказывает существенное влияние на сам *этнос*, который в зависимости от конкретных условий и проводимой политики может принимать *центробежный или центростремительный характер*. В результате же у нас сохраняются, распадаются или возникают конкретные этнические общности.

Являясь одним из видов социально-культурных объединений, возникающих еще на догосударственной стадии развития, этнический феномен со временем оказывался оттесненным на периферию политической, экономической, религиозными и другими более поздними явлениями и обусловленными ими интересами. Однако, несмотря на свою "неявность" он не ушел в небытие, и, будучи тесно связанным с другими обстоятельствами современной реальности, может заявить о себе, *неучтенными последствиями решений*, принимаемых по тем же экономическим и политическим вопросам. В силу своего современного положения этнический феномен непросто распознать и проанализировать, так как он часто репрезентируется через другие явления, те же политические, культурные, конфессиональные и т.д. По этой причине для его "выявления" и последующего исследования необходима методология системного характера, а не познавательные средства отдельных дисциплин. Но в то же время, будучи откровенно проигнорированным, он может поставить государства на грань кризиса.

Таким образом, этнический феномен – это, прежде всего, реальность этнического многообразия человечества. В настоящее время специалисты считают возможным выделять от 5 до 7 тыс. различных этнических общностей. Теперь все это многообразие оказалось "втиснутым" в границы ограниченного количества государств, которые своей политикой и взаимодействиями в значительной степени замкнули на себя всю общественную жизнь. Однако не столь явные этнические общности и их механизмы оказывает значительное влияние на формирование наших образов и представлений об окружающем мире, в том числе, как показали те же постмодернисты, и на наши сугубо научные теории и концепции. Ведь даже в полиэтнических государствах, как правило, можно зафиксировать государствообразующую этническую общность ("лидирующий этнос" по Широкоговору), которая формирует соответствующие институты и идеи на основе своих базовых представлений. Поэтому даже в условиях разворачивающегося процесса роста "проницаемости" государственных границ, несмотря на разрушение разных стен и других видимых барьеров, сохраняются другие – невидимые, во многом символические, но от этого не менее значимые границы. Реальность, фиксируемую границами подобного рода, мы пока готовы рассматривать в большей степени как культурную. Но самом деле она является более сложной по своей природе – этнической. Так что в современных условиях мы все чаще оказываемся в ситуациях активных межэтнических взаимодействий, а этнический фактор оказывает заметное влияние на другие виды отношений, прежде всего трансграничных. Конечно, с началом глобализации, активизировавшей все процессы, этнический феномен претерпевает определенные трансформации. Явление "креолиза-

ции" и этнической дисперсности становятся такими же реалиями, как и существование самих этнических общностей. Однако при всей своей значимости эти новые тенденции придают лишь новые конфигурации продолжающимся этносам.

Роль этнического фактора в современной Северо-Восточной Азии. Какое конкретное значение этнический феномен, превращаясь в этнический фактор, имеет для Северо-Восточной Азии можно показать на следующих примерах. Значительное влияние на ситуацию в регионе и даже на более глобальном уровне оказывают корейская и тайваньская проблемы. Они широко обсуждаются в уже привычных рамках безопасности, политического, военного, экономического, международного и т.д. взаимодействия. Обозначены они также и как ситуация разделенных наций. Однако остается неясным, какие новые возможности открывает для нас подобный подход. Между тем, как уже показал опыт объединенной Германии, невзирая на исходное культурное и другое единство общностей, разделенных на полвека и более между разными государствами, в силу действия в них разных этносов, эти общности приобретают свои специфические особенности, в том числе уже и этнического характера. Игнорирование этого обстоятельства в предпринимаемых попытках решения данных проблем может снова привести к нежелательным последствиям.

Для Дальнего Востока России одной из активно обсуждаемых тем по-прежнему остается миграция из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Следует понимать, что мигрантские диаспоры, оставаясь в значительной степени носителями определенной *этничности*, все же отличаются от своих исходных этнических общностей. В зависимости от новых условий диаспоры могут обнаружить тенденцию к обособлению от принимающей общности (общностей), либо готовность интегрироваться в нее. Опыт политики мультикультурализма в Канаде и некоторых странах Западной Европы позволяет утверждать, что установки на культуру как основное средство ускоренного включения мигрантов в принимающее общество не оправдали себя в полной мере. Это не удивительно, так как разработчикам этой политики следовало учесть действие ряда этнических механизмов, оказывающих воздействие на векторы этносов, в которые включены мигрантские диаспоры. Поэтому нам важно не повторять уже сделанные ошибки.

Подобный перечень конкретных обстоятельств проявления действия этнического феномена можно еще продолжить. Но, если мы уже способны его зафиксировать, понять, то даже в современных динамичных обстановках сможем учесть влияние, которое он оказывает на процессы в регионе Северо-Восточной Азии и входящих в него странах".

Ряд вопросов автору доклада был задан М.А. Калугиной. Первый из них касался того, может ли этнический фактор считаться определяющим в трансграничных отношениях. Во втором вопросе докладчику было предложено оценить роль в трансграничных отношениях политических решений. Кроме того, М.А. Калугина поставила вопрос о том, не является ли трансграничность естественным состоянием межкультурного взаимодействия. Отвечая на третий вопрос, А.М. Кузнецов указал на то, что воспринимавшиеся по началу с энтузиазмом процессы глобализации вскоре натолкнулись на серьезные препятствия. Глобализация неожиданно привела к глокализации, которая обнаружила ранее не замечавшиеся идентичности и локальные особенности. Проблема преодоления этих барьеров на пути глубинного взаимопонимания между обществами не решена, над ней еще предстоит работать. Говоря об этническом факторе, А.М. Кузнецов заметил, что он не является ведущим в трансгранич-

ных отношениях, более важные позиции здесь занимают политический и экономический факторы. В частности, как показывают исследования, в нашей стране этнический фактор действует не сам по себе. Его проявление обычно провоцируют другие обстоятельства. Но если этнический фактор не учитывают, то он, как правило, впоследствии сам заставляет обратить на себя внимание неучтенными последствиями принимаемых решений. Что же касается политического фактора, то интересы, существующие в этой сфере, безусловно, значимы, но они должны быть увязаны с иными факторами.

В.А. Бурлаков высказал мнение, что в Европе этничность позволяла находить странам общий язык, а в Азии скорее тормозила интеграционные процессы. Он попросил докладчика объяснить такое разное воздействие этнического фактора, либо связать этот феномен с влиянием других факторов. А.М. Кузнецов обратил внимание на то, что не только в марксизме, но и в либеральной традиции этнос рассматривался как вторичный и второстепенный фактор. Поэтому в процессе строительства Евросоюза он недооценивался, и это сегодня во многом сказывается на европейской интеграции. Этнические противоречия сыграли свою роль не только в подготовке обеих мировых войн. Такие проблемы продолжают существовать и в послевоенной Европе. Об этом говорит хотя бы пример Венгрии: треть этнических венгров оказалась за границами этого государства. Поэтому и в Европе этнический фактор остается фактором, влияющим на интеграционные процессы. Тем не менее, в ЕС эти процессы идут все же достаточно успешно, о чем свидетельствует ставшее уже нормой явление, когда средний европейский студент владеет одновременно, как минимум, тремя языками.

Е.Н. Давыборец, указывая на противоречия, существующие между культурами сегодня, спросила докладчика о том, какие факторы могут способствовать межкультурному общению и объединению культур в будущем. А.М. Кузнецов подчеркнул, что он не использует понятие культуры. По его мнению, обсуждения культурных проблем как таковых бессмысленно, поскольку культура является лишь одной из составляющих этнических и трансэтнических феноменов.

Доклад по теме "Демографический фактор и его влияние на геополитические процессы в Северо-Восточной Азии" был представлен собравшимся **А.Л. Лукиным**:

"Сейчас активно формируется особое научное направление – "стратегическая демография", которая изучает влияние демографических процессов на геополитику и проблемы международной безопасности. В этом докладе мы сначала сосредоточимся на том, как динамика народонаселения влияет на международную безопасность в Северо-Восточной Азии. Затем будет проанализирована ситуация на российском Дальнем Востоке.

Судя по всему, период быстрого увеличения численности населения планеты завершается. Половина людей уже живет в странах, где коэффициент рождаемости опустился ниже уровня, требующегося для простого воспроизводства населения. И таких стран становится все больше. В силу целого ряда причин стареющие государства, вероятнее всего, будут вести себя менее активно в вопросах международной безопасности. Совокупное экономическое давление сокращающейся рабочей силы и растущего бремени содержания стариков заставит их тратить меньше средств на военный потенциал. А неготовность проливать кровь "единственных сыновей", подкрепленная консервативностью пожилых и их боязнью рисковать, заставит "седеющие" государства все реже использовать даже тот стратегический арсенал, который у них имеется.

Северо-Восточная Азия примечательна тем, что все ее государства уже имеют низкую или сверхнизкую рождаемость и сталкиваются с проблемой старения (Таблица 1). Многие авторитетные эксперты называют резкое падение темпов роста населения и его старение в числе основных "мегатрендов" ситуации в регионе. Даже Китай, которого мы привыкли считать демографическим колоссом, в недалеком будущем столкнется с серьезными проблемами, связанными с сокращением количества молодого и трудоспособного населения при одновременном резком увеличении доли стариков.

Динамика народонаселения – это далеко не единственный, но очень существенный фактор, который влияет и на социально-экономические, и на политические процессы. Старение населения на фоне замедления его роста или даже абсолютного сокращения уменьшит как материальные возможности, так и социально-психологическую склонность "пожилых" государств к проведению силовой внешней политики. В каком-то смысле можно говорить о формировании предпосылок для "демографического мира". Представляется, что идея демографического мира ничуть не менее обоснована, чем широко известная теория "демократического мира", постулирующая миролюбие либеральных демократий.

В целом, старение будет скорее стабилизирующим фактором международных отношений в СВА, уменьшая риск межгосударственных конфликтов и войн. Прежде всего, это коснется двух центральных региональных акторов – Японии и Китая. Япония уже сейчас сталкивается с серьезными финансовыми проблемами вследствие роста доли пожилого населения, что существенно ограничивает ее возможности по наращиванию военно-стратегического потенциала и фактически снимает с повестки дня вопрос о возможной ремилитаризации страны. Кроме того, масштабы демографического кризиса могут привести к тому, что Япония вообще утратит статус (и амбиции) великой державы. Это в значительной степени снимет еще сохраняющиеся в Китае и Корее опасения по поводу латентных имперских устремлений Токио.

Примерно с 2020 года значительные демографические трудности начнет испытывать и Китай, что ослабит его наступательный геополитический потенциал. Кроме того, стареющее и сокращающееся население сделает менее актуальной задачу обеспечения доступа к природным ресурсам "любой ценой" – мотив китайской внешней политики, который сегодня вызывает у многих беспокойство.

Старение изменит внешнеполитическую ментальность государств СВА. Эта тенденция уже ярко проявляется в Японии – стране, первой вступившей в "серебряную эпоху". Пожилые страны, очевидно, будут выказывать меньше агрессивности и напористости, но зато больше миролюбия и стремления к компромиссам. Они во все большей степени будут поглощены своими внутренними социально-экономическими проблемами, а приоритетность внешней политики для них относительно снизится.

Россия переживает беспрецедентный для невоюющей страны кризис депопуляции. Из всех российских регионов демографический кризис наиболее сильно ударил по Дальнему Востоку. Здесь уже с 1991 г. отмечалось сокращение населения в связи с его начавшейся миграцией в регионы страны к западу от Урала. А с 1993 г. к миграционному оттоку прибавилась общая для России естественная убыль населения. В результате Дальневосточный федеральный округ потерял с начала 1990-х годов четверть населения.

Без мощного миграционного притока население российского Дальнего Востока будет неумолимо уменьшаться. В качестве главного потенциального источника миграции обычно рассматривается соседний

Китай. Однако нет никаких признаков того, чтобы китайцы стремились осесть на российском Дальнем Востоке. Более того, с 2000 г. зафиксировано уменьшение количества въезжающих на территорию России китайцев. Российский Дальний Восток не привлекателен для подавляющего большинства китайцев в качестве постоянного места жительства. Необходимо учитывать и то, что Китай в недалеком будущем сам столкнется с нехваткой рабочей силы, особенно молодых возрастов. Миграция за рубеж – это, прежде всего, удел молодых, активных и мобильных, а именно они будут в Китае во всё большем дефиците. Население Китая в возрасте 15 – 24 лет уже достигло своего пика и начало постепенно сокращаться. Другим важным фактором, тормозящим китайскую трудовую миграцию за рубеж, стало повышение стоимости рабочей силы в Китае как закономерное следствие его стремительного экономического развития: китайские гастарбайтеры будут все менее охотно соглашаться на труд в чужой и холодной России, поскольку у них появляется больше возможностей для приличного заработка у себя дома.

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что ни сейчас, ни в обозримом будущем Китай не захочет и не сможет быть генератором по-настоящему масштабных миграционных потоков на российский Дальний Восток. Какие же страны в таком случае могут сыграть роль главных миграционных доноров для Дальнего Востока? Очевидно, что в ближнесрочной перспективе такую функцию могут выполнять только страны Центральной Азии – бывшие советские республики Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Уже сегодня на улицах Владивостока выходцев из Центральной Азии заметно больше, чем китайцев и корейцев.

В отличие от китайской трудовой миграции феномен центральноазиатских мигрантов на российском Дальнем Востоке изучен пока весьма слабо. Нет достоверных данных даже об их численности. Отсутствуют хотя бы приблизительные оценки того, какой процент среднеазиатских мигрантов рассматривает свое пребывание в России как временное, а какое количество хотело бы здесь остаться на постоянной основе и т.п. Такая ситуация неведения нуждается в как можно более быстром исправлении.

Некоторые специалисты-демографы считают, что даже Средняя Азия не в состоянии будет обеспечить все возрастающие потребности Рос-

Таблица 1. Демографические показатели стран Северо-Восточной Азии и Индии

2010 год

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	0,61	1,79	34,2	12,3	1354
Япония	-0,19	1,27	44,7	30,5	126,9
Северная Корея	0,34	1,85	34	14,3	23,9
Южная Корея	0,27	1,26	37,9	15,6	48,5
Россия	-0,34	1,46	38,1	18,1	140,3
США	0,90	2,02	36,6	18,2	317,6
Индия	1,27	2,52	25,0	7,5	1214

2020 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	0,31	1,85	37,1	16,7	1431
Япония	-0,47	1,35	48,6	34,5	123,6
Северная Корея	0,26	1,85	35,8	15,1	24,8
Южная Корея	0,00	1,34	43,2	22,8	49,4
Россия	-0,46	1,58	40,0	22,5	135,4
США	0,71	1,88	37,9	22,3	346,1
Индия	0,92	2,12	28,1	9,8	1367

2030 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	-0,00	1,85	41,1	23,4	1462
Япония	-0,64	1,45	53,5	37,9	117,4
Северная Корея	-0,00	1,85	38,4	19,9	25,3
Южная Корея	-0,30	1,44	47,6	31,1	49,1
Россия	-0,55	1,68	43,5	25,0	128,8
США	0,53	1,85	39,5	25,3	369,9
Индия	0,58	1,86	31,7	12,4	1484

2050 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	-0,33	1,85	45,2	31,1	1417
Япония	-0,79	1,60	55,1	44,2	101,6
Северная Корея	-0,27	1,85	41,9	24,7	24,5
Южная Корея	-0,77	1,59	53,7	40,8	44,0
Россия	-0,51	1,83	44,0	31,7	116,0
США	0,36	1,85	41,7	27,4	403,9
Индия	0,25	1,85	38,4	19,6	1613

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2008 Revision. [Электронный ресурс]. URL: <http://esa.un.org/unpp>

сии и ее Дальнего Востока в зарубежных мигрантах. В этой связи нужно задуматься о диверсификации источников миграции. Может быть, есть

смысл обратить внимание на таких пока экзотичных для России поставщиков человеческих ресурсов, как Бангладеш, Индия, Филиппины и некоторые другие государства Юго-Восточной и Южной Азии".

По окончании доклада М.А. Калугина задала вопрос, не кажется ли докладчику, что проблемы демографии и старения населения при-сущи индустриальным и постиндустриальным обществам. А.Л. Лукин ответил, что не вполне согласен с этим утверждением. Так, Китай еще не только не постиндустриальное, но и даже отчасти аграрное общество. Между тем, как говорят цифры, Китай сталкивается с подобными проблемами. Таким образом, демографические проблемы, в том числе связанные со старением общества, имеют значение и для некоторых развивающихся и бедных стран.

Л.Е. Козлов, напомнив тезис докладчика о том, что стареющие общества склонны ориентироваться на внутренние проблемы, спросил, следует ли, исходя из этого, ожидать, что трансграничные связи в США в дальнейшем будут сокращаться. На взгляд А.Л. Лукина, это вполне вероятно, поскольку миграция – дело молодых. Хотя значительного сворачивания объективно обусловленных трансграничных связей ожидать не следует, свое угнетающее воздействие на них этот процесс окажет. Кроме того, старшее поколение менее открыто для иных культур.

Т.В. Плишанков высказал сомнение в том, что в стареющих обществах средства на социальное обеспечение будут заимствоваться из военных бюджетов, поскольку ту же проблему можно решить за счет увеличения налогового бремени. Кроме того, Т.В. Плишанков заметил, что в последнее пятилетие военные расходы Китая значительно выросли, и, таким образом, цифры говорят об обратном процессе. А.Л. Лукин согласился с наличием возможности решать проблему за счет налогов, но бесконечно повышать налоги нельзя, поэтому, на его взгляд, это может быть только временной мерой. Отвечая на второй вопрос, он признал факт роста китайских военных расходов, но указал на то, что сейчас Китай находится в нормальной демографической ситуации. А.Л. Лукин предложил посмотреть на то, какой будет политика этой страны после 2020 г., когда она столкнется с большими проблемами в данной области.

В.А. Бурлаков заметил, что участники семинара подходят к Китаю как к европейской стране, тогда как китайское государство способно просто отказать выходящим на пенсию в каких-либо выплатах. По мнению А.Л. Лукина, китайское правительство могло бы поступить так еще 20 лет назад, когда китайские семьи были многочисленны и о родителях заботились их дети. Однако теперь один ребенок в семье вынужден заботиться о двух родителях и четырех бабушках и дедушках. В подобной ситуации отказ в выплатах может привести к голоду и бунтам, и китайское правительство вряд ли будет играть с огнем. В.А. Бурлаков возразил, что сейчас китайское правительство не платит пенсий половине пенсионеров страны. А.Л. Лукин отметил, что это связано с тем, что пока молодежи хватает, но когда ее станет мало, государству придется тратить собственные средства, в т.ч. извлеченные из военного бюджета.

Напомнив докладчику его утверждение о том, что старение способствует повышению замкнутости обществ, Т.Г. Троякова указала на то, что существующие данные свидетельствуют, тем не менее, об увеличении международной миграции. В связи с этим, ее интересует, может ли увеличение миграции оказать положительное влияние на процесс старения населения. Примером такого пути решения проблемы может служить Япония, несколько лет назад начавшая проводить политику открытости для мигрантов. А.Л. Лукин высказал убеждение, что другой альтернативы такой политике просто нет. Если рождаемость недостаточно высока, то стране нужны внешние мигранты. В частности, для

РДВ средством решения этой проблемы могли бы стать мигранты из Центральной Азии.

В.А. Бурлаков выразил сомнение в том, что Центральная Азия, демографические ресурсы которой ограничены, может занять по отношению к нашему региону место Китая. А.Л. Лукин ответил, что в таком случае необходимо искать дополнительные рынки импорта рабочей силы, например в Южной и Юго-Восточной Азии. В.А. Бурлаков предложил докладчику оценить масштабы реальной потребности Приморского края в рабочей силе, с учетом того, что в регионе все еще существует безработица, в т.ч. скрытая. А.Л. Лукин заметил, что он, не будучи экономистом, не располагает такими данными, но убежден, что без такого основного богатства как люди край не способен развиваться.

Е.Н. Давыборец указала автору доклада, что негативная оценка им низкой рождаемости противоречит распространенному мнению о том, что перенаселенность Земли входит в число глобальных проблем современности. Исходя из этого, она предположила, что сокращение рождаемости может рассматриваться как способ решения проблемы избытка населения. А.Л. Лукин согласился с существованием двух различных парадигм рассмотрения данной проблемы. При этом себя он отнес к сторонникам той парадигмы, в соответствии с которой, говоря словами Ж. Бодена, "нет большего богатства, чем люди". По мнению А.Л. Лукина, роста численности населения не стоит опасаться, т.к. люди в состоянии решить проблему недостатка необходимых им ресурсов.

Напомнив идею докладчика о том, что сокращение населения в странах СВА приведет к демографическому миру, В.С. Милкин высказал опасение, не обернется ли этот процесс в действительности демографической экспансией. Ведь занять данные территории может население других регионов, включая Северную и Южную Америку, а также Юго-Восточную Азию. А.Л. Лукин подчеркнул, что сокращение населения не приведет, однако, к вакууму. Кроме того, другие регионы, пусть и позднее, также столкнутся с этой проблемой, поэтому страхи такого рода несколько преувеличены. В.С. Милкин заметил, что Дальний Восток очень богат ресурсами, и маловероятно, что другие страны пройдут мимо подобной "кладовой", которую никто не охраняет. А.Л. Лукин выразил убежденность в том, что пока у России есть ядерное оружие, несмотря на сокращение населения региона, внешнее вторжение ему не грозит.

Ю.А. Наумов подчеркнул, что в условиях демографического спада, категорично исключать возможность внешней экспансии нельзя. На это А.Л. Лукин возразил, что он говорил только о тенденциях, и не претендует на точный прогноз. В своем исследовании он рассматривал один из факторов, тогда как проблемы будущего, безусловно, заслуживают комплексного, системного рассмотрения.

В.А. Бурлаков поинтересовался у автора доклада, существуют ли прогнозы, оценивающие вероятность изменения качественных характеристик населения в будущем, например в плане увеличения его трудоспособного возраста. По мнению докладчика, такие изменения возможны, однако мы должны исходить из худшего сценария. В любом случае, медицинское обслуживание пожилого человека и в будущем будет стоить дороже, чем обслуживание молодого.

С заключительным словом по итогам работы семинара выступил Л.Е. Козлов. Он отметил, что на состоявшемся не так давно в той же аудитории российско-корейском симпозиуме также рассматривался вопрос о потенциале трансграничного сотрудничества в регионе. Тогда было высказано мнение, что основные интересы стран СВА направлены все же не на регион Японского моря. На самом деле интересы России, Японии, Южной Кореи и Китая ориентированы на Европу и США. Итоги

сегодняшнего обсуждения также наводят на пессимистический прогноз, заставляя ожидать, что территория, где мы живем, в ближайшие 20 – 30 лет будет оставаться своего рода "задним двором" Северо-Восточной Азии.

Ведущий семинара со стороны Владивостока В.А. Бурлаков отметил, что поднятая тема актуальна, поэтому проведение подобных научных мероприятий представляется крайне важным. В связи с этим, он предложил сделать данный семинар регулярным.

Ведущая семинара со стороны Находки М.А. Калугина поддержала идею продолжения такого рода семинаров с возможным разворачиванием их в формат научно-практической конференции. При этом она предложила конкретизировать круг выносимых на них вопросов.